

Б. В. ШЕРГИН

ДНЕВНИК 1939 г. (НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ)¹

(Публикация Е. Ш. Галимовой, М. В. Никитиной)

Дневники русского писателя Бориса Викторовича Шергина (1893—1970) — явление во многом уникальное для отечественной литературы XX столетия. Их следует рассматривать не столько в контексте распространенного в XIX—XX вв. жанра писательских дневников, сколько как продолжение традиций «Диариума» святителя Димитрия Ростовского, дневников праведного Иоанна Кронштадтского. В творческом наследии самого Шергина дневники занимают особое место. При том что общий объем художественных произведений, созданных писателем, невелик, а тексты его рассказов, новелл, былей, старин, сказок, миниатюр отличаются краткостью, дневникам он уделяет очень большое внимание и регулярно ведет их, судя по сохранившимся рукописям, с 1920-х гг. на протяжении полувека.

Основное содержание дневниковых записей Шергина — события его внутренней, прежде всего духовной, жизни, которым он уделяет гораздо больше внимания, чем злобе дня. В жанровом отношении дневники Шергина представляют собой сплав исповеди и проповеди, покаянного канона и акафиста, кроме того, значительное место занимают в них воспоминания о прошлом, размышления о духовных началах русской жизни, описания природы. Шергин пишет только о том, что является для него самым важным и что он не может сказать в произве-

---

¹ На первом листе рукописи надпись: «1939 год. Переписан в 1941 году». Нумерация листов чернилами начинается с цифры 105 (последний лист — 191), карандашом проставлены цифры с 1 по 72. Записи по большей части не датированы автором.

дениях, предназначенных для печати. При этом он, несомненно, надеялся на то, что эти записи будут прочитаны. Об этом свидетельствуют и то внимание, которое он уделял своим дневникам, и содержание некоторых записей. Так, в 1944 г. он обращается к «читателю в потомстве»: «...ежели бы хоть часть какую писаний моих прочел кто имеющий дар рассуждения, то — отче или мати, сотвори молитву о убогой душе моей...» (*Шергин Б. В. Из дневников. 1942—1953 годов // Шергин Б. В. Изящные мастера / Сост., предисл. и сопровод. тексты Ю. Галкина. М.: Мол. гвардия, 1989. С. 337*).

Настоящая публикация продолжает начатую А. Н. Мартыновой и И. А. Красновой (*Шергин Б. В. Дневник 1945 года (18 января—12 апреля) / Вступ. статья А. Н. Мартыновой; Публ. И. А. Красновой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 248—301; Шергин Б. В. Дневник 1945 года (13 августа—23 сентября). Ч. 2 / Вступ. заметка А. Н. Мартыновой; Публ. И. А. Красновой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 431—457*) систематическую научную публикацию дневников Б. В. Шергина, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (ф. 278).

...но, кроме, конечно, Достоевского, Самарина, К. Леонтьева, кто сознавал себя современником святого. Знали о <тца> Иоанна Кронштадтского, но если «тот берег» Амвросия Оптинского не желал замечать, то Иоанна Кронштадтского «те» поносили и забрасывали грязью.² Вот тут-то аксиома «мир во зле лежит»³ подтверждается. Узнав о святом, если святого поставят на свещницу, наш век не только не умилился, не только не почтит святого, а будет тшиться в грязь имя святое втоптать.

---

² Лист начинается с продолжения фразы. Начало рукописи отсутствует. Под «тем берегом» Шергин имеет в виду пораженную религиозным нигилизмом либерально-демократическую интеллигенцию, равнодушно, а зачастую и пренебрежительно относившуюся к православию и святоотеческому наследию, и противопоставляет им Ф. М. Достоевского, философов-славянофилов и публицистов Ю. Ф. Самарина (1819—1876) и К. Н. Леонтьева (1831—1891), осознававших значение Оптиной пустыни для духовной жизни России. К Оптиной пустыни Шергин в своих дневниках разных лет обращается часто. Прп. Амвросий Оптинский (1812—1891) — великий оптинский старец, духовный преемник прпп. Льва (1768—1841) и Макария (1788—1860). Он произвел огромное впечатление на Ф. М. Достоевского, приехавшего в Оптину в 1878 г. Причислен к лику святых в 1988 г. Св. праведный *Иоанн Кронштадтский* (1829—1908), канонизированный в 1990 г., был, помимо всего прочего, особенно близок Шергину еще и тем, что родился в Архангельской губернии. Шергин бывал на родине святого — в пинежском селе Сура. Примечательно, что задолго до канонизации оптинских старцев и Иоанна Кронштадтского Шергин говорит о них как о святых.

³ *Мир во зле лежит.* — «Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5: 19).

Как досадно, что начнешь об [1 нрзб.],⁴ о внутреннем говорить и сразу свернешь на внешнее, на ничтожное... Удивительное свойство «мира»: искать, видеть и помнить в людях, от мира отрехшихся, только худое. Одни поносят их сознательно, по заданию, другие бессознательно, по глупости. Слово «монах» у них ругательное. Мнихи⁵ «все дармоеды, паразиты, обманщики, притворщики». Монахини — «мокростыницы, смутницы, ханжи и т. д.». Конечно, были такие, и таких-то мир знал, потому что был их достоин. А которых мир не был достоин, тех и не знал.

И вот еще доказательство, что мир пал и лежит во зле неисклонно. (Это многие чуткие, отмечают и поражаются): в зло вера отнюдь не махнет. Верят в волшебство, в колдовство, в приметы, боятся мертвецов, несчастливых дней. Лизка Харитоновна⁶ ненавидит Бога, попов, иконы, а колдовство, чертовщина, приметы... тут самым диким и нелепым басням и бабьим запукам верит.

Апостол: «В велице дому не суть точию сосуды серебряные и золотые, но и глиняные и деревянные».⁷

✠ Я отчаялся, горе душу жало: почему иные хапают, и у них тысячами насыпано, не знают, что придумать. ... И вдруг коснулось сердца: а ты кем быть обещался? Не иноком⁸ ли? На что ты родился?⁹ Забыл ты

---

⁴ В оригинале зачеркнуты одно слово и помета «неразбор.» и под ними написано: «онтосе». Возможно, при переписывании оригинала 1939 г. не удалось разобрать слово; можно предположить, что Шергин в оригинале использовал греческое слово (ὄρωτος — горный или ὄψλος — высокий).

⁵ Мнихи — монахи (старослав.).

⁶ Елизавета Харитоновна — вероятно, родственница Михаила Андреевича Барыкина, воспитанника Шергина. В доме матери М. А. Барыкина Анны Харитоновны в деревне Хотьково Шергин часто проводил лето.

⁷ В велице дому не суть точию сосуды серебряные и золотые, но и глиняные и деревянные. — «А в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни в почетном, а другие в низком употреблении» (2 Тим. 2: 20).

⁸ Курсивом выделены слова, при написании которых Шергин использовал тайнопись, так называемую «простую литорето» (основанную на замене согласных), известную в русской рукописной традиции с XIV в. См.: Сперанский М. Н. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письменности // Энциклопедия славянской филологии. М.: АН СССР, 1929. Вып. 4. С. 18—20, 56—57, 97—107.

⁹ Эта запись (от слов «Я отчаялся» до «На что ты родился»), как и несколько последующих (от «То, что сейчас не рисуют» до «Болезнь века: так тому быть»), от «Все равно: худо, хорошо» до «...в барокко утонула», от «Незамогла ты, ворона» до «...мысли родит и надмевает тебя»), почти дословно повторяет тексты дневниковых записей Шергина, опубликованных Ю. Ф. Галкиным под 1948 г. Объясняться это может либо тем, что писатель повторял наиболее важные для него размышления в дневниках разных лет, либо тем, что в дневник 1948 г. попали листы с записями 1939 г. При этом в публикации Ю. Ф. Галкина выпущено предложение «Не иноком ли?», видимо, потому, что использованная Шергиным тайнопись затруднила прочтение фразы. Однако без этой фразы смысл рассуждений Шергина искажается.

преподобного Сергия? Не нищету ли и он, чудный, принял на себя? И тебе ли надуться и надмеваться теперь, когда всечестные кости великого отца нашего Сергия *Радонежского* валяются в плену?¹⁰ Тебе ли, сору, навозу возвышаться?? Отнята красота от нас Божиим промыслом.

А «тем» не завидуй: черви они, кишашие в трупе.

1839 года¹¹

Тишину ты, Господи, дай мне в сердце, чтобы слушать-то мне тебя. Редка, мимолетна была эта радость в сердце. Конечно, м<ожет> б<ыть>, раньше я недарованное восхищал. Встают в уме «начальники тишины»,¹² манят светло в мир покоя, тишины, немерцающего света. Оптинские<?> сборники...¹³ сколько основоположники иночества в каждом месте, друга столько теперешние умиляют, радуют. Ведь жили эти *иноки* теперь, в нашей обстановке. Еще дома те стоят, где они, чудные, обитали.

То, что сейчас не рисуют так, как прежде, не могут так рисовать, говорит о склерозе человечества.¹⁴

Не вовсе без ума некто говорил, что лучшие произведения, напр<имер>, писатель создает до 30 лет. (Я бы сказал — наиболее взволнованные.) Ну... до 50 лет. А мир ведь уж дряхл, дряхл... Европа особенно. В молодости, можно сказать, всяк поэт, всяк художник. В молодости творческое живет. Весело смолода жить. «Что это иду да наиттись не

---

¹⁰ Деревня Хотьково находится неподалеку от обители преподобного Сергия Радонежского — Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Прп. Сергию (1314—1392), игумену Русской земли, посвящены многие дневниковые записи Шергина. «... всечестные кости великого отца нашего Сергия Радонежского валяются в плену». — В 1919 г. рака с мощами святого была вскрыта, а сами мощи выставлены на обозрение в устроенном на территории лавры музее. В 1946 г. обитель была возвращена церкви и в Успенском соборе на правом клиросе была устроена сень для раки с мощами прп. Сергия.

¹¹ 1839 года. — После даты — запись тем же почерком: «Начало рукописи неразборчиво». Нельзя утверждать однозначно, что датировка записей 1839-м вместо 1939 г. — результат описки. Далее эта «описка» неоднократно повторяется.

¹² Называя святых «начальниками тишины», Шергин использует одно из именованний Иисуса Христа: «Ты бо, Богоневестная, Начальника тишины Христа родила еси, едина Пречистая» (Канон молебный ко Пресвятой Богородице).

¹³ В рукописи запись выглядит так: «Отокские неразб. сборники...». Исходя из контекста, можно предположить, что Шергин говорит о сборниках поучений, писем, жизнеописаний оптинских старцев, издававшихся в Оптиной пустыни в XIX—начале XX в. См.: *Каширина В. В.* Литературное наследие Оптиной пустыни. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 247—271.

¹⁴ Под «рисованием», «художеством» Шергин здесь имеет в виду духовное делание, аскезу.

могу. А теперь, — говорит старуха, — радость вся потерялась». Это болезнь, это сейчас в искусстве ненормальное состояние, что рисование иссякло. «*Senectus ipse morbus*»...¹⁵ И надо, конечно, лечиться. Но не надо отчаиваться. Надо только знать, что это болезнь, это состояние ненормальное в искусстве. В нездоровом теле сей дух. Далекие от искусства, от художества, никогда не касавшиеся рисования, громят и раскатывают, топчут копытами рисующих. Мнят себя быть, м<ожет> б<ыть>, убежденно, правыми. А они больные, жалкие склеротики, дети декаданса, дети дряхлости и упадка. Это неврастения, психастения. Но ежели и ты, и я потеряли здоровье (*веру*),¹⁶ дак все же не считай свое такое состояние нормальным, а лечись, понимай, верь, что правильными были убеждения (рода человеческого) в цветущих годах, при разуме, при расцвете сил умственных, душевных и телесных. А наши времена — упадок, болезнь, идиотизм, маразм. Болезнь века: так тому быть.

† Книга как человек. Книга — мир богатейший (говорю о настоящей книге) собран в ней. Она невелика стоит на полке, а все в ней. И человек, ее написавший, и мир, им описанный. Возьми патерик Оптинский<?>, возьми Дамаск<ина> (Валаамский)...¹⁷ Волны, небо, море, острова, история; века и люди сохранены прекрасные, чудные. Все перед тобой оживает, как только книгу раскроешь. Дела их, речи, поступки живые, яркие, блещущие, искрящиеся. Люди патериков, они более живы, чем все мы, еще таскающие ноги по земле. Посмотри, повторяю, на в черном переплете патерики.¹⁸ Какая сила, какая мысль, какие характеры, какой героизм! Сколько света, воли! И все это чудным, дивным образом собрано, осталось в малой книжице. Такая книга, как оконце в мир светлый, бодрый, радостный, здоровый. Такая

¹⁵ «*Senectus ipse morbus*» — «Старость сама болезнь» (*лат.*).

¹⁶ Слово «вера», зашифрованное тайнописью («шема»), встречается в шергинских дневниках неоднократно. Ю. М. Шульман, комментируя опубликованные им дневники Шергина, не расшифровав слово, дал такое пояснение: «Шема — образ, знак, таинство» (*Шергин Б. В. Дневники. 1942—1947 годы // Москва. 1994. № 4. С. 114*). Однако в греческом языке такого слова нет, как нет и звука «ш».

¹⁷ В рукописи: «Дамаск. (Валаамский??)». Шергин говорит, скорее всего, о Валаамском патерике и о игумене Дамаскине (1795 — 1881), самом известном настоятеле монастыря, много сделавшем для укрепления обители. Встречающиеся в тексте пометы, большей частью опущенные нами при подготовке записей к публикации (знаки вопроса, указания в скобках — «неразбор.»), возникли при переписывании оригинала 1939 г. Чаще всего непрочитанные слова переписчик (судя по почерку, сам Шергин) заменял многоточиями.

¹⁸ В рукописи запись выглядит так: «Посмотри, повторяю, на (неразбор.) в черном (?) переплете патерики». Вероятно, Шергин использует иносказательный образ «черный переплет» для обозначения монастырских патериков, житий святых-монахов.

книга — чудные духи во флаконе. Книгу такую раскроешь — как из черной ночи в золотой, вешний день войдешь; из нищеты в богатство. Да, я-то беден, нищ, а царское одеяние у меня на полке. Я-то озяб, трясусь, а летнее солнце у меня вон стоит. Я-то болен, а вон лекарство вечное, испытанное. Я в грязи, а вон моя баня. Я в тосках, в печалях, а вон моя радость.¹⁹ Протяни руку... Я в безумии, а вон верный разума наставник. Воистину книга такая — «царство небесное дома родилось» (Аввакум Петров).²⁰ Я слепну телесными глазами, а она книга очи душевные раскрывает. Ты заблудился, а она путеводитель. Ты голоден, а она святая книга — хлеб неистощимый. Вот что книга. Книга настоящая. В себе самом где света или силы найдешь, человека искать куда пойдешь? А книга та тут с тобой.

И аз, памятуя о добрых книгах, помышляю оные изобильно у иных лежащие; почитаю их аки бы сокровище некое. И в оных по горло увязал, оные приобрести тщуся, и сия моя страсть несть добро, понеже не похваляют отцы чтущих многие книги.

3 декабря

20 ноября

✠Учись-ко ты не ждать «соловьев с неба», что настроение и вдохновение снидет на тебя откуда-то. Учись в себе находить и самому создавать. Но как близ десятка лет писал и разорялся на себя, что де «слово просто обидит мя, мала печаль повержет мя», то и теперь едва ли не хуже стало. Соберешься иное, и хочется от радости отрыгнуть слово, а уж и отлетело «настроение»-то. А тишину, умиление хочется получить. Это всего дороже, это настоящее счастье, «радость» эта, источник, ключ отмыкающая. Когда бывает эта радость, это умиление, не знаю откуда в душу приходящие, то все ладно, всему радуешься, всем

---

¹⁹ Шергин пользуется характерными для молитвословий, в частности для акафистов, образами. Ср.: «одеждо веселия», «тела моего здравие», «всяя твари украсителю», «теплото любимая», «солнце правды» (Акафист Сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу). «Баня пакибытия, баня духовная, баня бессмертия» — крещение, новое рождение. В значении «очищение» слово «баня» встречается в Акафисте Пресвятой Богородице («Радуйся, бане, омывающая совесть»).

²⁰ Личность и сочинения идеолога раскола протопопа Аввакума (Петрова) (1620 или 1621—1682) оказали в юности на Шергина, увлекавшегося старообрядчеством, большое влияние. Первая известная иконописная работа Шергина — «Сожжение Аввакума». «Образ Аввакума висится у истоков как литературного, так и живописного пролога художественного мира Шергина» (Шульман Ю. М. Запечатленная душа: Очерк жизни и творчества Бориса Шергина. М., 2003. С. 70).

доволен, весь счастлив... Да, расплакался Адам перед раем стоя: «Раю, мой раю, прекрасный мой раю!».²¹ Где ты, мое умиление, где та тишина, где то «настроение», так неожиданно, бывало, находившее. Метешь пол, постель убираешь, и вдруг тихость эта придет. ...Бросишь веник и стараешься посылно светлую минуту на бумаге запечатлеть.

...Да, невозможно это с людьми, даже с родными, живя.²²

В каком надо быть устроении, преуспейании, чтобы равнодушно, не говорю уж «благодушно» переносить житейские щелчки, пинки, подзатыльники. А в жизни ведь не то что ежедневные, а ежеминутные раздражения да перекоры... «Терпения надо не воз, а целый обоз» (говаривал ст. Амвросий Оптинский). Конечно, ежели в себе самом на каплю нет терпения и благодушия, то нельзя от людей требовать. Верно говорено, что надо с людьми как с детьми обходиться, а часто как с больными. И то понять крепко надо, что сам-от ты «больной» и не здоровому все делаешь и поступаешь. Не смог я никакого добра доспеть «ближнему» своему. Истинно: слепой слепого поведет, оба... (это все ведь с горя, в раздражении пишу. И себя со злости угрызаю. И лютую на брата. И вдруг помянул, что он хотел завтра насчет книг сходить: еле жив сый²³ побредет...)

...Насчет книг... Теплее кряду стало, как о любом-то, желанном помянул... Насчет книг... Как я жадаю²⁴ книгами, которые годятся-то мне.

Книги мое удовольствие. Настоящие, конечно, книги. Вот еще, кабы возможно было, «костюмчик черненький».

Еще кабы именем псевдоним-то свой сменить.²⁵ Впрочем, пока-то и своего имени недостойн, а «балабол» — самое мне название подходящее. А завтра ведь мой праздник Введения...²⁶ Там у Жиздры²⁷ снега лежат, и ели стоят, и тишина... «Я не видал твоей святыни, не знаю я

---

²¹ *Раю мой, раю, прекрасный мой раю!* — Церковное песнопение в неделю сыропустную (предваряющую Великий пост) в воспоминание изгнания Адама из рая.

²² Эта фраза снабжена подстрочным комментарием, появившимся, видимо, при переписывании оригинала: «Мнение незрелое, ошибочное».

²³ *Сый* — сущий, пребывающий (церковнослав.).

²⁴ *Жадаю* книгами. — Жадать — жаждать (церковнослав.).

²⁵ *Вот еще, кабы возможно было, «костюмчик черненький». Еще кабы именем псевдоним-то свой сменить.* — При публикации своих произведений Шергин псевдонимами не пользовался. Скорее всего, под «костюмчиком черненьким» он имеет в виду монашескую рясу, а под заменой псевдонима именем — принятие монашеского имени.

²⁶ Введение во храм Пресвятой Богородицы празднуется 21 нояб. (4 дек. по новому стилю). Эта и последующие записи, приуроченные к праздникам, показывают, что Шергин жил по церковному календарю и на новый стиль даже в повседневной жизни не переходил.

²⁷ На берегу реки Жиздры, притоке Оки, стоит Оптина пустынь.

твоих красот», прекрасная Оптина пустыня, «одно, одно я знаю верно», что ты ныне «таинственна безмерно», но жива ты, жива душа твоя!²⁸

И ныне тамо «силы небесные невидимо служат». ²⁹ Есть Оптина, «не умерла, но спит»... О, восстани, восстани, моя обитель!³⁰ Жив Бог, жива душа моя!

Видимо святыня Оптинская в едином месте была. А невидимая она везде стала. Разрушена моя пустыня и тем переселилась во многие и многие сердца. И в мое. И в мое! Нет, не случайно и патерик Оптинский<?>, заветнейшая книжица с детства, с оптинскими надписями в руки попал. А портрет любимейшего отченька моего Амвросия. А чудные эмалевые иконы знаменитого ростовского мастера знаменитыми отцами Моисеем и Антонием³¹ принесенные. И это диво мне досталось! Это все оттуда мне благословение дивным образом.

* * *

†Я вот что хочу давно сказать: Бог подает, вероятно, милость всем, о ней вопящим, но темным и слепым, слабым жизнью неявно для них от них смертную беду отводит. Они думают «так прокатилось», а это Он отвел. Но чистые душой явно десницу Божию видят.

* * *

†Ох, эти «паршивые настроения»! Когда настанет такое «плохое настроение», то уж всякое неустройство и просрочки, и долги давят и страшат; главное, угнетают.

А как радость или хоть тень радости, дак уж «ладно», «как-нибудь», «обойдется», «авось да небось». «Живем, мол, да маемся, а все вперед пихаемся». «Не горюй, мол, Параха, не потонем».

---

²⁸ Строки из известного духовного стиха «Гора Афон, гора Святая...».

²⁹ *Силы небесные невидимо служат.* — Ныне силы небесные тамо невидимо служат — начало херувимской песни на литургии преждеосвященных даров, которая служится в будние дни Великого поста.

³⁰ Шергин цитирует Евангелие («И, войдя, говорит им: что смущаетесь и плачете? девица не умерла, но спит»). «И, взяв девицу за руку, говорит ей: „талифа куми“, что значит: „девица, тебе говорю, встань“»), проводя параллель между Оптиной пустыней и воскресенной Иисусом Христом дочерью Иaira (Мк. 5: 39, 41).

³¹ Прп. Моисей (Путилов; 1782—1862) — схииерхимандрит. Вместе со своим братом прп. Антонием (1795—1865) прибыл в Оптину пустынь по приглашению святителя Филарета (Амфитеатрова) в 1821 г. для устройства скита. Прп. Моисей был настоятелем Оптиной пустыни с 1826 г.

‡Все равно: худо, хорошо. Здоров, болен — повадишься писать, дак оно и пойдет само. А я себя писать не повадил. У другого льется само, а я выжимаю. А се и теснота³² мешает. Хочется писать то, что из души, хоть не ключом бьет, а струится, хоть тоненьким ручейком, а от сердца. А выдумывать, вымучивать — скучно это. Бывало, как на дрожжах от полного-то сердца ходишь: скорей бы листок где схватить, карандашик найти.

Бывало, по дорогам на берегах записывал благие-те мысли... А теперь я увял, оравнодушел. Не подымусь, не полечу веселой-то думой, легкой, светлой. Сел, сижу. Нету в сердце радости...³³

‡Всегда все хорошо в природе. Всегда она прекрасна, во всякую пору. Не говорю уж о весне и лете. А зимой в лесу разве не чудно хорошо. Нет, не умерло все, но спит. Тишина, снежок. А тона куда более благородные, чем летом. Черный цвет, как сталь вороненая, как тушь китайская. Чудная гамма серых тонов: и серебро, и жемчуг, и белые тона — вспоминаю старинные определения белого цвета: сахарный, бумажный, блакитный. А мы все: «белый». «Палевый» скажут еще. Своих-то, вишь, нет, дак французское «rôle». А старые красного цвета определения: мясной, брусничный и т. д. А желтые: светло-соломенный, русый. «Камень тот рус живет» (гиацинт).

‡Как у отдельного человека притупляется острота восприятия по отношению к тому или другому предмету, так и у целого народа. Отсюда смена вкусов, мод, стилей в искусстве. Нам кажется странным, например, как это в России с конца XVII века могли сменить строгий, величавый, высокий дорический ордер на барокко, тогда уже распространившееся по всей Европе. Да потому что захотелось чего-то полярного давно приглядевшейся древней иконописи. А в барочных (затем рокайль) образах-картинах и была как раз новая острота. И более чем на сто лет барокко чувствительный полюбился. Такова была реакция против многосотлетнего единообразия. Долго матушка Русь от «западных» стилей отворачивалась и небрегла, да вдруг сразу «с ручками» (как говорят ребята-купальщики) в барокко утонула.³⁴

---

³² Слово «теснота» в рукописи подчеркнуто. Шергин дает понять, что имеет в виду не тесноту помещений, а душевное состояние. Слово «теснота» в церковнославянском языке имеет значение «тоска, тревога».

³³ Далее следует приписка в квадратных скобках, сделанная, видимо, при переписывании текста: «Это, парень, нездоровье, звон в голове; глотка болит».

³⁴ Далее следует приписка в квадратных скобках, поясняющая содержание записи: «Об искусстве древнерусском и барокко».

†Они, святые-то, ведь древние... А что есть древность?? О, как она относительна... Ведь и матери³⁵ нет, а вот их письма, и чернила еще не пожелтели. Вот кофта материна, кошелек ее. А вот Нинушкины³⁶ все вещи. Отец Виктор Васильевич³⁷ уж и вещей его мало: писемцо, запись из книжечки. Бабушки Олены Кирилловны³⁸ что есть ли? А тетино,³⁹ она давно ли умерла, а что есть? Патерик Соловецкий,⁴⁰ спорок шубный. А иные и прошлый год умерли, а ни синь пороха не оставили.

Да еще вот, что фотографии многих есть, кои покойные и тряпки по себе не оставили. Но я знаю, что они были. Со мной они, во мне они живы. Поколику я помню их, своих родных, бабушек, дедушек, отцов, матерей, я о них рассказываю, их портреты показываю, пишу о них. И таким образом они живы во мне и через меня. Я свидетель. Не было бы меня да фотографий, дак и недавние они, недавно умершие уж как бы небывшими оказались. Все равно, что сто лет умерли они, что десять лет. Это в малом, в моем роду. Но так и в большом, и в великом. Не было бы о великих людях свидетелей, описавших их, не было бы портретов их, не было бы именья⁴¹ их, и мир не знал бы о них. И их бы все равно, что не было. Конечно, от великих дела остались, писания их. И это живет, этим еще живы великие. «Умолкли Иоанна Златоуста уста, он оставил нам другие свои уста — книги».⁴² Так что великие вдвойне живы. Не только тем, что о них свидетельствовали современники, а по современниках предание устное и письменное, не только по-

---

³⁵ Шергина Анна Ивановна (в девичестве Старовская) — уроженка Архангельска, дочь парусного мастера, скончалась в 1924 г. О родителях и предках Шергина см.: Шульман Ю. М. Запечатленная душа. С. 13—40; Галимова Е. Ш. Домострой Бориса Шергина. Архангельск, 2005.

³⁶ Нина Викторовна — сводная (по отцу) сестра Б. В. Шергина, старше его на 7 лет. Выйдя замуж, переехала в Петербург.

³⁷ Шергин Виктор Васильевич (1850—1905) — корабельный мастер первой статьи, шкипер, механик морского пароходства. Уроженец с. Серегово, расположенного неподалеку от Великого Устюга и Сольвычегодска, сын солепромышленника. См. о нем: рассказы Б. В. Шергина «Поклон сына отцу», «Детство в Архангельске», «Миша Ласкин».

³⁸ Старовская Олена Кирилловна — бабушка Шергина по матери. См. о ней: рассказ Шергина «Старые старухи».

³⁹ Глафира Васильевна — сестра отца Шергина.

⁴⁰ В дневнике Шергина за 1942 г. говорится: «Соловецкий патерик любимейшая была моя книга, а литографированные картинки его первою моею были картинною галерею. И начал я копировать их, едва научась держать в руке карандаш (Соловецкий патерик. С.-Петербург, 1873). Патерик этот принадлежал тетеньке моей, отцовой сестре Глафире Васильевне» (Шергин Б. В. Из дневников. 1942—1953 годов // Шергин Б. В. Изящные мастера / Сост., предисл. и сопровод. тексты Ю. Галкина. М.: Мол. гвардия, 1990. С. 320—321).

⁴¹ Именья — здесь: имущества, вещей.

⁴² Цитата снабжена подстрочной сноской: «Стишный пролог».

тому, что вещи их остались, но и потому, что дела они оставили при-снопамятные.

Но все равно: я хочу доказать, что все равно, что десять лет, что пятьдесят, что сто лет, что триста лет назад и пятьсот, а м<ожет> б<ыть>, и тысячу лет назад жил человек. Уж как нет в теле человека, так все равно, все равно, что десять годов не вижу, что двадцать пять, что сто лет (мамы нет 18 лет, сестренки 8 лет, отца 35 лет)... А разве не все равно... Какая разница, что, скажем, мамина бабушка умерла в 1863 году, отец отца в 1865... 75 лет назад... А Нина — 7 лет? Живы бы, так менялись, старились. А нет их в теле, так они перестали меняться. Время для них не существует. Они уж вечные. Приложились ко отцам своим и стали вне времени.

Относительная вещь время. Оно только для этого болеющего тела существует. А так, вообще, времени нет. Условно это счисление времени. Онтологически не время проходит, а проходим мы. Т. е. вот этот участок бытия своего в теле и измеряй, а как в вечность канешь, так пустое дело — вычислять. Особливо об отшедшем, канувшем в вечность. Там 1000 лет, яко день един. Там, в пучине вечности, и IX век со светилами его все одно, что XIX век. Там они живут без календарей, без дат, без численников, без годов. Там Иоанн Златоуст со святым Филаретом Дроздовым беседует, Дамаскин с Тихоном Задонским, Антоний Великий с Серафимом Саровским.⁴³ Помахивают они века-то.

Таким образом, как сделался человек невидим здесь, ушел туда, где нет времени, но жизнь вечная, где нетление, так и не глупи, не считай, что, вот, те древние «отцы», «чудотворцы», а эти «новые»: мы их заста-ли. Ты этих знал, а бабка твоя тех давних видела и слышала. Ты Нек-тария⁴⁴ знал, а бабушка твоя Амвросия знала лично. Этих не молоди,

---

⁴³ Размышляя об относительности времени, Шергин объединяет святых, живших в разные эпохи. Святитель *Иоанн Златоуст* (между 344 и 354—407) — один из величайших учителей Церкви, богослов и проповедник, епископ Константинополя. По составленному им чину в храмах совершается Божественная литургия. Святитель *Филарет (Дроздов)*, митрополит Московский (1782—1867) — выдающийся церковный деятель, богослов и проповедник. Причислен к лику святых в 1995 г. В своих дневниках Шергин часто упоминает свт. Филарета, обращается к его сочинениям и письмам, называет его в числе своих духовных учителей. *Иоанн Дамаскин* (ок. 675—до 753) — византийский богослов и поэт, завершитель и систематизатор греческой патристики. Святой *Тихон*, епископ Воронежский и Елецкий, *Задонский* чудотворец (1724 — 1783) — богослов, подвижник благочестия. Многие его сочинения пользуются особой любовью у православного читателя. *Антоний Великий* (ок. 250—356) — святой, первый идеолог и основатель христианского монашества, отшельник в Египте. Прп. *Серафим Саровский* (1759—1833) — великий святой Русской земли, чудотворец и прозорливец, основатель Дивеевского женского монастыря. Канонизирован в 1903 г.

⁴⁴ Прп. *Нектарий* Оптинский (Тихонов; 1857 или 1858—1928) — один из последних оптинских старцев.

«недавних», тех не старь. Погляди-ко на иконы-те. Иоанн Предтеча с святителем Филиппом (Кольчевым)⁴⁵ вместе. То и правильно. Так и есть. Законы настоящей-то жизни, бесконечной, иные, чем тут, в жизни временной. Тут у нас все, как в ящичке или в инкубаторе, все в мелких, жалких, ограниченных масштабах. У нас все тут игрушечное. Игрушечный детский мы домик «нашокинский».⁴⁶ А «тамо» — «не тот материал-с!» (И как смешно, что мы тут надымаемся, топорщимся да пыхаем.) Дак вот: детское рассуждение, что «те древние, а эти новые». Все они «в Боге почивают».⁴⁷ Значит, жалкая земная мерка о времени не существует для них.

...Я начал было с того писать, что доказывал о вещах да об остатках. Любим (верим) за то новых, что сами их видели. О том говорил, что и древнее столь же достоверно свидетельство... что-де остатки остались, дак и живы. И что-де все равно, что 75 лет, как деда нет, что 7 лет, как сестры нет. Дурова голова! Не в остатках дело, а в том, что с Вечным Солнцем,⁴⁸ вездесущим они соединились. А там разбирай, какой оттуда тебе луч светит — древний или новый. Все там равно сияют. Там, «идеже лики святых Господи и праведнии сияют, яко светила».⁴⁹

Впрочем, по-сесветскому я не неправ. Мы в теле, дак и судить вправе телесно, вещественно. Ино,⁵⁰ вечная правда и здесь права. Как увижу калиги⁵¹ да ложку, да чашку Сергиевы (а он жил многоночко веков назад), дак нисколько он не древнее Оптинского Амвросия. У Амвросия тоже и посох, и четки, и шапка остались. И XIV, и XIX век, вот они:

---

⁴⁵ *Святитель Филипп*, митрополит Московский (Кольчев; 1507—1569) — игумен Соловецкого монастыря (1548—1566), митрополит Московский (1566—1569), был свергнуто и заточен Иваном Грозным. Задушен Малютой Скуратовым.

⁴⁶ *Игрушечный детский мы домик «нашокинский»*. — Друг А. С. Пушкина Павел Воинович Нашокин (1801—1854), желая сохранить для потомков интерьер своего московского дома, в котором останавливался Пушкин, соорудил знаменитый «Маленький домик» («Нашокинский домик») — макет размером два с половиной на два метра, тщательно воссоздав все детали обстановки и убранства. Сейчас «Нашокинский домик» является экспонатом Всероссийского музея А. С. Пушкина в Петербурге.

⁴⁷ *Все они в Боге почивают*. — Ср.: возглас священника на утрене: «Яко свят еси Боже наш и во святых почиваеши...». Выражение «святые в Боге почивают» встречается, в частности, в Дневниках прав. Иоанна Кронштадтского.

⁴⁸ *...с Вечным Солнцем*. — Истинным солнцем, вечным солнцем христиане называют Вечное Слово — Иисуса Христа. См.: «Иисусе, солнце правды, освети мя» (Акафист Иисусу Сладчайшему).

⁴⁹ *...«идеже лики святых ти, Господи, и праведнии сияют, яко светила»*. — «Упокой, Боже, раба Твоего и учини его в раи, идеже лица святых, Господи, и праведницы сияют, яко светила, усопшего раба Твоего упокой, презирая его вся согрешения» (Тропарь, исполняющийся во время заупокойных богослужений и чтении Псалтири по усопшему).

⁵⁰ *Ино* — другое, иное (церковнослав.).

⁵¹ *Калиги* — обувь странников и пастухов, сшитая из лоскута кожи.

задеваю их руками. А вот кости их. А вот рука — подпись Филиппа Колычева (XVI век), а вот Филарета Дроздова (XIX в.). А се списаны речи их; а се постройки, ими возведенные.

Очень близки к нам (по-сесветски-то) описания жизни их, данные современниками ярко и просто. Поэтому изумительные характеристики, прямо сказать картинки бытовые, скажем, из Патерика Скитского⁵² и т. п. отцов наших южных древних (начала средневековья) очень к нам приближают, к нашему времени подводят. О какое благо было бы, ежели бы эти патерики, прологи, минеи четьи и служебные⁵³ стали нашими настольными книгами; люди эти (а ведь это не тени — герои сочиненные романа, а биографии) близки были бы для нас. Конечно, время, поскольку мы на земле и во времени, чувствуется. Но, чуть оставили книгу, опять это: ох какая древность! И вот поэтому легко и светло нам видеть во святых современников (XIX) век. Вот почему любим и ликуем их обиталища видеть, их горницы, их вещи, даже фотографии сохранились подвижников XIX в. Как-то нам надежнее, что вот в этих стенах жил и душу Господеви предал Серафим Саровский. ... Вот его рукавицы, сапоги на прямую колодку. Чудно это и радостно. И об Оптином радовании, Амвросии, знаем, что хоть полсотни годов представился, а келлия его еще вчера тут вот была сохранна. А карточки с живого везде и старики о. Амвросия помнят.

Древние в «те» эпохи жили. Жизнь, культура, быт — все иное было. А эти-то в наше время, в нашей обстановке, среди знакомых нам вещей жили. Они по-нашему одевались, говорили, снимались, на таких же стульях сидели, вот эти книги в руках держали.

Уж очень это любо, и светло, и радостно, что среди нас они жили, среди наших отцов и матерей.

Но вот тут еще ворочусь назад. Радуйся, зовый, ликуя,⁵⁴ что задеваешь сапоги, рукавицы Серафимовы, и умились, что он перед этой вот самой иконой Умиления отыде ко Господу.

---

⁵² *Патерик Скитский* — переведенный с греческого языка сборник изречений святых отцов и патериковых рассказов, одно из старейших произведений (IV—V вв.) о жизни и речениях святых отцов египетской Нитрийской пустыни, первых христианских монахов.

⁵³ *Патерики, прологи, минеи четьи и служебные* — Шергин перечисляет названия различных типов сборников, содержащих жития святых. *Пролог* содержит краткие жития святых (по дням года) и поучения св. отцов; *Четьи минеи* — жития святых, расположенные по порядку месяцев и дней, собранные и объединенные в многотомный труд святителем Димитрием Ростовским в конце XVII—начале XVIII в.; *Служебник* — богослужебная книга священнослужителя.

⁵⁴ Обращение, характерное для акафистов. См.: «Радуйся... зовый к Ней таковая» (Акафист Пресвятой Богородице).

И сразу же сообрази: а вот две келейных преподобного Сергия иконы, перед коими так же точно, как Серафим Саровский, молился, на коих Сергей угасающий взор остановил.

Серафим близок, а Сергей почему далек?? Вот тебе и ризы Сергиевы пестрядинные, и его ученика фелонь⁵⁵ и книга тут.

Добавлю, наконец, что и тому радуешься о святых нашего времени, что они доказательство пребывания благодати в церкви Христовой и в наши дни.

Убоги, жалки, скарედны ценности мира сего. Только вера Христова есть действительность. Только Мессия истинная реальность.

* * *

✠Люблю святых Божиих угодников Севера, своего родного края. Зосима и Савватий Соловецкие, Антоний Сийский, Кирилл Белозерский⁵⁶ и многие, многие... Но вот живу в Средней России два десятка лет, и уж близки стали не только, напр<имер >, божественный Сергей и Никон,⁵⁷ его ученик чудный, люблю уж не только святых общеименитых «всея России чудотворцев»: Серафима и прочих великих, не только люблю Оптинского Амвросия и Льва, и Макария, и Антония, и Анатолия,⁵⁸ в Оптиной подвизавшихся, Дмитрия Ростовского,⁵⁹ Ти-

---

⁵⁵ *Фелонь* — верхнее богослужебное облачение священников, представляющее собой широкое одеяние с отверстием для головы и высокими твердыми оплечьями.

⁵⁶ *Зосима и Савватий Соловецкие, Антоний Сийский, Кирилл Белозерский.* — Прп. Савватий, соловецкий чудотворец (†1435) — основатель Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря. Прп. Зосима (†1479) — игумен Соловецкого монастыря (с 1452 г.). Прп. Антоний, сийский чудотворец (1520—1556) — основатель Свято-Троицкого Сийского монастыря, впоследствии ставшего одним из крупнейших монастырей на Русском Севере. Прп. Кирилл Белозерский (1338—1427) — ученик прп. Сергия Радонежского; монах, затем игумен московского Симонова монастыря; играл заметную роль в духовной и политической жизни Москвы на рубеже XIV—XV вв.; основал в 1397 г. Кирилло-Белозерский монастырь.

⁵⁷ *Никон* — прп. Никон (†1427), ученик прп. Сергия Радонежского, игумен Свято-Троицкой Сергиевой лавры.

⁵⁸ *Амвросия, и Льва, и Макария, и Антония, и Анатолия.* См. примеч. 2. Прп. Антоний Оптинский (1795—1865) — схиигумен. Неясно, которого из оптинских старцев — Анатолия Старшего (Зерцалова; 1824—1894) или Анатолия Младшего (Потапова; 1855—1922) имеет в виду Шергин.

⁵⁹ Святитель *Дмитрий*, митрополит *Ростовский* (1651—1709) — богослов и писатель, автор новой редакции Четых Миней, трудов, посвященных «внутреннему человеку», «Апологии во утоление печали» и других, составитель «Алфавита Духовного». Дневниковые записи Шергина разных лет позволяют сделать вывод о том, что особое внимание он уделял книге Дмитрия Ростовского «Внутренний человек, в клетки сердца своего поучающийся и молящийся» и «Дневнику» («Диариуму») святителя. Не случайно и свой дневник Шергин называл «Диариус».

хона Задонского, Митрофана Воронежского.⁶⁰ Их все знают и ублажают. Везде их лики. О них мог бы как-то и на Севере узнать.

Живя в Средн<ей> России, люблю, полюбил и по брату⁶¹ ставшего близким сердцу моему Савву Звенигородского.⁶² И кто еще? Да всех святых угодников, что в старых московских градах и обителях почивают.

А святые угодники Севера рисуются мне: море шумит, волны бегут, ветры, бегут корабли, белые парусы. И они: Зосима и Савватий, Антоний Сийский, Елисей Сумский,⁶³ Герман, Иринарх;⁶⁴ Пертоминские Вассиан и Иона,⁶⁵ Яренгские Иван и Логгин...⁶⁶ Везде они по северным морям. Они как чайки, нигде им не загорожено. С кораблями они плывут, обороняют попавших в относ на льдинах, видят их у руля, направляющих в гавань шкуны,⁶⁷ видят с веслом правильным на краю льдины. Угодников Соловецких Зосиму, Савватия, Германа, Иринарха, Елеазара,⁶⁸ Святителя Филиппа (Колычева) в XVII, XVIII, XIX веках выда-

---

⁶⁰ Святитель *Митрофан*, первый епископ *Воронежский* (1623—1703), при учреждении Воронежской епархии был посвящен во епископа по избранию царя Федора Иоанновича; сподвижник Петра Первого.

⁶¹ «Братом», «братишкой», «названным братом», «брателкой» называл Шергин Анатолия Викторовича Крога (†1953) — своего родственника по материнской линии (их матери были двоюродными сестрами), самого близкого ему по духу человека; с момента переезда Шергина в Москву (1922 г.) и до конца жизни Крога они жили вместе.

⁶² Прп. *Савва Звенигородский* (†1407) — ученик прп. Сергия Радонежского, основатель Саввино-Сторожевского монастыря в честь Рождества Пресвятой Богородицы в Звенигороде.

⁶³ *Елисей Сумский* — среди святых, канонизированных Православной церковью, Елисея Сумского нет.

⁶⁴ *Герман, Иринарх* — прп. Герман (†1479 или 1484) почитается первым из угодников Соловецких; проводник и сподвижник прпп. Савватия и Зосимы; прожил на Соловках более 50 лет. Прп. Иринарх Соловецкий (†1628) — с 1614 по 1626 г. был игуменом Соловецкого монастыря.

⁶⁵ *Пертоминские Вассиан и Иона* — прп. Вассиан и Иона Пертоминские, иноки Соловецкого монастыря, ученики игумена Филиппа (Колычева); погибли в 1561 г. (или 1566 г.) во время бури на Белом море. На рубеже XVI—XVII вв. рядом с местом их погребения на берегу Унской губы возник Пертоминский Преображенский Крестный мужской монастырь.

⁶⁶ *Яренгские Иван и Логгин* — прп. Иоанн и Логгин (Лонгин) Яренгские (XVI в.), послушники Соловецкого монастыря; утонули во время шторма на Белом море. Тела их были выброшены на берег возле дер. Яреньги на Летнем берегу Белого моря. Подвиги и чудеса святых, погибших в морской стихии, как и пертоминские Вассиан и Иона, были особенно близки жителям Поморья, постоянно подвергавшимся опасностям во время пугины.

⁶⁷ В сборнике «Океан—море русское» (М.: Мол. гвардия, 1959) Шергин дает такое пояснение: «Шкуна — вид морского парусного судна; строились на Севере в XVIII—XIX веках. На шкунах поморы плавали почти до наших дней» (С. 344).

⁶⁸ *Елеазар* — прп. Елеазар Анзерский (†1656) — схимонах; основал в 1620 г. Троицкий скит на о. Анзер Соловецкого архипелага; учеником и постриженником прп. Елеазара был будущий патриарх Никон.

ли многжды на судах, стоящими, как мачты, с мантиями, наполненными ветром, проводящими гибнущий корабль в гавань.

Похоже на сагу скандинавскую житие Елисея Сумского.⁶⁹ Жену убил любимую, положил тело в кораблец перед собой, погрузил свечей и хлеба. Отворил паруса и уплыл в дали морские. Плыл океаном весну, лето и осень. Зимовал в мурманском диком ущелье, не сводя глаз с лица любимой, мало изменившегося, хотя иссохшего от морских соленых ветров. Весной Елисей справил в Белое море. Полуночное солнце, беспредельное море, кораблец с черными парусами, посередине мумия прекрасной женщины... В тихую погоду над нею горят свечи. У руля окаменел человек.

Когда лицо любимой изменилось от черных зимних ветров, Елисей высек в Сумском берегу «печеру», схоронил жену. И сам в нечеловеческих подвигах поста, молитвы, наготы скончался здесь, стяжав по смертно дар чудотворений.

†Или вот еще живая черточка о святых, живших в XV веке. Черточка, стирающая без всяких преодолений и трудов, без всяких проникновений «в древность», черточка, разрушающая время по самому обыкновенному, земному: «Лета 7032 (1524), 2-го марта, пытал у Евпроксеньи Васильевой. И Евпроксения сказывала: „Помню маму его, которая его кормила. А звали ее Ефимия. А жила 106 лет...“». Выходит, мама-та еще в XIV веке жила. Ибо и «дитя» (св. Макарий Калязинский⁷⁰), ею выкормленное, преставилось в 1483 г. «в старости глупоце». А справка понадобилась при обретении мощей Макария Калязинского в 1521 году.

Прочтешь, и как будто сам проник и приник к тем векам, и обоняешь их аромат. Видишь, как легко через века шагают, как время малится.

Тетка Глафира Васильевна⁷¹ говорила мне, что ее дедушка ей рассказывал, что видел человека, который присутствовал при казни стрельцов.

---

⁶⁹ *Похоже на сагу скандинавскую житие Елисея Сумского.* — В сборнике Шергина «Океан—море русское» (С. 329—331) опубликована «Старина о Варлаамии Керетском» (с подзаголовком «поморская баллада»), сюжет которой полностью совпадает с пересказанным в дневнике сюжетом жития Елисея Сумского. В «Архангельском патерике», составленном в начале XX в., в разделе о малозвестных святых Архангельского края приводятся такие сведения: «О преп. Варлааме Керетском достоверно известно только то, что он жил во времена Иоанна Грозного и был уроженцем Керети, священствовал в Коле. Убив жену из ревности, не имея, однако, на это причин, он, опамятавшись, не счел себя уже достойным священствовать. Похоронив жену, он закончил жизнь в подвигах поста и покаяния и жил в келье на Чупской губе» (Архангельский патерик: Жизнеописания русских святых и некоторых приснопамятных мужей, подвизавшихся в пределах Архангельской епархии / Сост. епископ Никодим (Кононов). М., 2000. С. 177—178).

⁷⁰ *Св. Макарий Калязинский* — прп. Макарий (1400—1483), калязинский чудотворец, основатель и игумен Калязинского монастыря (неподалеку от г. Кашина).

⁷¹ См. примеч. 39.

По расчетам, это она от деда слышала в 1850 году. Деду было 80 лет. Деду рассказывали тоже в юности, примерно в 1780 г. Рассказывал 100-летний старик, еще заставший XVII век.

Если читать историю, историч<еские> «романы», как это все всегда «было давно». А послушаешь такой рассказ и высоко над временем взлетишь, два века видишь... И это еще в «сесветных» условиях такой взлет, такой охват и конденсация времени возможны.⁷²

* * *

И еще почто люблю наших северных святых. Имена их с детства на октениях⁷³ слышал. Еще мама на руках в церковь водила, за руку к Воскресенью⁷⁴ водила. По порядку из уст о. Михаила⁷⁵ помню: Зосиму и Савватия Соловецких, Антония Сийского, Никодима Кожеозерского,⁷⁶ Трифона Печенгского,⁷⁷ Варлаама Важеского...⁷⁸ Пертоминских... Яренгских, Артемия Веркольского⁷⁹ чин.

А в Соловецком подворье с детства выучил на слух Зосиму, Савватия, Германа, Иринарха, Елеазара Анзерского и прочих Соловецких чудотворцев...⁸⁰

---

⁷² Далее следует приписка в квадратных скобках: «О времени. Об его условности».

⁷³ ...на октениях — ектения (греч. «усердие», «протяжение») — общее моление на церковных богослужениях.

⁷⁴ ...мама на руках в церковь водила, за руку к Воскресенью — Воскресенская церковь в г. Архангельске, построена в XVIII в.; приходской храм семьи Шергиных. Располагалась в начале Воскресенской улицы неподалеку от набережной Северной Двины. До настоящего времени не сохранилась.

⁷⁵ Из уст о. Михаила помню — протоиерей Михаил Попов (род. 1863), в 1892—1920 гг. — священник (с 1906 г. — настоятель) Воскресенского храма г. Архангельска. В 1926 г. арестован по обвинению в контрреволюционной агитации, в 1927 г. выслан на 3 года. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁷⁶ Никодима Кожеозерского — прп. Никодим Кожеозерский (Хозьюгский) (†1639 или 1640), пустынножитель, в келье на Лопском полуострове озера Коже (в Поонежье) прожил 35 лет.

⁷⁷ Трифона Печенгского — прп. Трифон Печенгский и Кольский (ок. 1495—1583), основатель Свято-Троицкого монастыря (1533 г.) на реке Печенге (Кольский полуостров); миссионер, проповедовавший христианство среди лопарей (саамов).

⁷⁸ Варлаама Важеского — прп. Варлаам, Важеский (Шенкурский) чудотворец (до построения — Василий Степанович Своземцев, новгородский посадник; †1462, по другим сведениям, 1476), основатель Иоанно-Богословского монастыря на реке Ваге (1444), позже стал монахом основанной им обители.

⁷⁹ Артемия Веркольского — праведный Артемий Веркольский (1532—1544), отрок, уроженец села Веркола на реке Пинеге. Спустя 32 года после смерти Артемия от удара молнии были обретены его нетленные моши, от которых начались чудеса. В середине XVII в. в честь прав. Артемия в Верколе был основан мужской монастырь.

⁸⁰ Далее следует приписка в квадратных скобках: «О северных святых».

†И еще почто радуюсь о таких святых, как Филарет Митрополит? И иные, нам по времени близкие?? Потому что с ними, как на одном корабле плывешь. Они еще кораблем-то правят. Тут еще они, близко.⁸¹

†Сто лет для жизни в церкви ничто, и 200 ничто. Например, «петровское» — это уже как бы наше. Но 300 лет, XVII век — это уже древность. Прискорбно это, конечно. Там-то самое «наше». Но после-петровских людей как бы больше понимаешь. Они уже как бы современники. Они уже на твоём корабле. А то все «древние». «Там» все «разительно» отличается от жизни, от быта, скажем, столь близкого нам века XIX, в недрах которого мы родились. (Деда наши родились из недр XVIII века.) Вот, как художник и как убогий, но все же имеющий себя сыном церкви, люблю, скажем, град Сергиев, Лавру преподобного Сергия (сокровищницу и искусства, и веры). Но кипение ее, центры тяжести ее ведь вот куда надо отнести — к преподобному ее основателю, к его ученикам, к Дионисию XVI века.⁸² Вот где основной акцент Лавры.

Цветуща была сия сокровищница и в последующие века, но, как бы утомясь и убоясь величием и роскошью сей святыни древней, центральной, исторической, героической, знаменитой, иное робко ищет душа. Бремни веков, бремни истории «суеверно дивится посетитель».⁸³ Отчасти вот почему возникают новые и новые обители. Да и простодушный человек любит, что поближе. Древние преподобные... их издревле навывкли знать в серебре.

Перечел написанное и смутился. Лишь плод утомленного ума эти умозаключения... Неужто только музей присносящая лавра Сергиева?! Неужто не жив богоносный отец наш Сергий... Никон... Дионисий.

Нету «древнего» и «нового» в вере Христовой. Вечно юнеет церковь Христова и все, что в ней и от нее. Нету времени в Боге. Не стареет ничто, во Христе живущее.⁸⁴

⁸¹ Далее — приписка в квадратных скобках: «Святые XIX века. Почто люблю?».

⁸² ...к Дионисию XVI века. — Дионисий (ок. 1570—1633), архимандрит Троице-Сергиева монастыря с 1610 г.

⁸³ ...«суеверно дивится посетитель» — неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Мадонна»: «Чтоб суеверно им дивился посетитель».

⁸⁴ Далее — приписка в квадратных скобках: «Церковь Христова присно юнеет. О еже почему любы обители новые; почему радуемся о святых нашего времени».

† Незамогла ты, ворона, по поднебесью-то летать... Вот и стараешься качество количеством заменить. Вон на Святей Горе велено одну икону, одну книгу держать. А ты хапаешь, хватаешь сюду и сюду. И уж не из чего хватать-то, карман-от пуст, от хлеба у семьи рвешь, а полки забиваешь. И не читаешь уж, а лишь бы полки ломились. Тужишь, что не как у людей, что нет кармана. А пес ли тебе в целой-то библиотеке?! Хоть двадцать комнат книгами забей. Хоть Боткиным,⁸⁵ хоть Остроуховым⁸⁶ будь, а кому то осталось?! И на что тебе много книг? Сам будешь читать? И на настоящие книги одну полку отряди: их немного, твоему убожеству насущных. А это ведь обжиранье: все одно не переварить, не усвоить. И вот, знаю, и не только знаю, но и чувствую, что одна, две книги нужны. Потому что «одно на потребу».⁸⁷ А жадности не могу преодолеть. Подавай коробами. Старцы учителя скажут, что это плохая примета. В сторону это от самых первых ступень преуспеяния. Хоть и об одном книги собираешь, да для тебя-то много. Да и каждому человеку не множество книг надо об этом «одном». Только «классические» книги об «едином на потребу» надо читать. И будешь их читать десятком, а одну изберешь.

Но в большой надо быть мере, чтобы, как Феофан Затворник Соловецкий,⁸⁸ говорить: «Читай Псалтырь! Одну Псалтырь».

А вот как, по-сесветному-то судя, для радости все это охота собрать обилие-то книг об иночестве, об обителях, о святых... Я радуюсь над ними. Кабы можно, «сухой бы я корочкой питался», а книги покупал. Спал бы с книгами, которые люблю. Ужаси как они дух мне веселят и надымают...

Притупилось восприятие-то, не шевелят меня привычные-то одни и те же вещи и книги; надо новые. И это свойство, вероятно, всех любителей и собирателей «искусства и старины». Помню, говорил

⁸⁵ *Боткин* Михаил Петрович (1839—1914) — художник, коллекционер произведений искусства.

⁸⁶ *Остроухов* Илья Семенович (1858—1929) — художник, собиратель русской живописи, в том числе икон, переданных в Третьяковскую галерею.

⁸⁷ ...«одно на потребу» — «Отвещав же Иисус, рече ей: Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе: едино же есть на потребу» (Лк. 10: 41—42).

⁸⁸ *Феофан Затворник Соловецкий* — видимо, ошибка допущена при переписывании; правильно — Феофан Затворник Вышенский (1815—1894), святитель (канонизирован в 1988 г.), епископ, проповедник, с 1872 г. жил в затворе в Вышенской пустыни; автор богословско-аскетических трудов, составитель и переводчик творений древних подвижников-исихастов, объединенных им в 5 томов «Добротолюбия».

Н. А. Кл<юе>в⁸⁹ — «я сменил бы эти иконы: не чувствую их». (!!!) Любитель-антиквар Антонов, покупая у нас фарфор, говорил: «Пригляделись они мне, я их за ту же цену отдам». А молодой еще библиофил предложил меняться книгами: «У меня все неразрезанные»...

Дети могут, конечно, в игрушки играть. Но даже и для «будущего» инока очень это несерьезно. Помню, кажется, у Лермонтова: «Не множеством картин старинных мастеров...».⁹⁰ Настоящая книга, настоящая икона — как дрожжи неизживаемые, век она бродит, мысли родит и надмеваает тебя.⁹¹

18 декабря

<5 декабря>

†Зимний завтра Никола. Так по белым снегам его и прокатывает Русь-та. Краше его, света, мало, а прославить соборно некуда сходить. Да еще и радения мало... В Кленниках у Мечева Сергия,⁹² бывало...

Я вот толкую: «древние» святые да «новые» святые. Ближе-де новые. А в народной вере вопроса о древности или современности того или другого святого не существует.

На шунах в море кого грызут? Многих грызут, а Николу первого. Не плесневеет этот хлеб. Цвет сей не теряет благоухания. Чудное дело: знать, хороший хозяин заботится!

Он жил на далеком юге. Жил много веков назад. И тут вот какое дивное дело: Русь его присвоила, на Руси Никола — «скорый помощник». «Никола — скоропомогательное имя». Монастыри, храмы, деревни, корабли — сколько их, посвященных святому Николе.

---

⁸⁹ Ключев Николай Алексеевич (1884—1937) — поэт. Любовь к древней духовной культуре Руси, особенно Русского Севера, интерес к старообрядчеству, религиозность и неприятие разрушения традиционных устоев русской национальной жизни сближали его с Шергиным. Травля Ключева, начавшаяся в конце 1920-х гг., завершилась его арестом в 1934 г., ссылкой в Нарымский край и расстрелом в октябре 1937 г.

⁹⁰ «Не множеством картин старинных мастеров» — первая строка стихотворения А. С. Пушкина «Мадонна».

⁹¹ Далее следует приписка в квадратных скобках: «О том, что не добро чести многие книги».

⁹² В Кленниках у Мечева Сергия — священномученик Сергей Мечев (1892—1942) служил в московской церкви святителя Николая в Кленниках на Маросейке с 1919 г., в 1923 г. после смерти отца — прп. Алексея Мечева — стал настоятелем храма (по благословению оптинского старца Нектария) и главой маросейской общины, в которую входили многие представители гуманитарной интеллигенции. После ареста в 1929 г. до 1937 г. находился в тюрьмах, лагерях и ссылке. Вторично арестован в 1941 г. Расстрелян 6 янв. 1942 г. Канонизирован в 2000 г.

Русь (как и греки) не сделала из св. Николая елочного деда, как в Америке. Как он есть, таким Николу имеет Святая Русь. Живший в Малой Азии в Мирах Ликийских в IV веке, живет уж много веков на Русском Севере. «От Колмогор до Колы тридцать три Николы»⁹³ — церкви Николины. Монастырь Николы Корельского на Двине,⁹⁴ Никола Веркольский⁹⁵ на р. Пинеге. В каком доме не было его лика пречестного? И много ли ликов краше, любимее лика Николы Милостивого?.. А в храмах сияние свеч, темный изможденный лик с высоким челом, взгляд, проникающий душу... Малоазиатский грек, живший в IV веке. Но кто более жив, чтим и любим, чем он?? Кто не знает его? Про кого больше рассказов и легенд?! Жизнь святителя Николая на Руси — разительный пример тому, что счисление веков — IV, V... XX — важно только для учебников. А в церкви «древность» и современность сливаются. Могут не знать и «новых чудотворцев», канонизированных в XIX веке, а «древний» Никола живет и чудотворит в народе. На Пинеге «вырезной» Никола ежегодно снашивает сапоги.⁹⁶ «Поглядишь: подметочки все уж сношены... Он ходит».

Да где только не расскажут вам о новых чудесах св. Николы. На С<еверной> Двине в 1930 году женщины перегружали карбас с сеном. Карбас затонул на песчаной кошке.⁹⁷ И женщины враз закричали: «Святитель Никола, убавь воды!». Вот вам малоазиатский «мифический» грек. Полной жизнью живет «святый Николае» на Руси. Что там 70 его лет на дальнем юге, в безвестном тогда граде: его жизнь, жизнь в Византии, в России, в Италии, во Франции, в Германии... настоящая жизнь святителя Николая — это последние полторы тысячи лет. Скажем, с V по XX столетие! Вот этот «период» жизни святителя как раз богат событиями, происшествиями... Европа, Азия, Америка... Везде он!

...Да... В церкви, в религии все так. В теле жив, невелико место занимал, а сбросил и везде стал. Отошел святой ко Господу, и сразу «деятельность» его крылья, размах получает.

---

⁹³ «От Колмогор до Колы тридцать три Николы» — Распространенная в Поморье поговорка, образно говорящая об особом почитании здесь святителя Николая Мирликийского: от Холмогор, расположенных в нижнем течении Северной Двины, до с. Колы, Кольского залива Баренцева моря, т. е. — вдоль всего беломорского побережья.

⁹⁴ Монастырь Николы Корельского на Двине — Николаевский Корельский (Николо-Корельский) монастырь, древнейшая обитель на Архангельском Севере, основанная в начале XVI в.

⁹⁵ Никола Веркольский — в Никольском храме Артемиево-Веркольского монастыря находилась рака с мощами прп. Артемия Веркольского.

⁹⁶ На Пинеге «вырезной» Никола ежегодно снашивает сапоги. — Шергин говорит об уникальном явлении искусства Русского Севера — резной деревянной скульптуре (резные фигуры святых, распятия, рельефные изображения евангельских событий). Особой любовью пользовалась на Севере скульптура «Никола Можайский».

⁹⁷ Кошками в Поморье называют песчаные острова или отмели.

Как только человек святой жизни, о Господе почивший и Господу угодивший, ко Господу преставился, он, иногда сразу, иногда постепенно (это самое разительное!) со всеми рядом, с людьми-то, становится. Жив-то, дак куда-то писать или ехать куда-то надо, добывать старца-то. А преставился — и рядом около тебя оказался. Жив, годы считал: «Ох, стар-де... немощен». А помре, и счет годов отпал. Время перестало для отошедшего ко Господу. Полторы тысячи или тысячу лет назад жил в теле святой, но, начав жить жизнь вечную, стал одинаков и XV веку, и веку XX-му. Века сего света проходят, а живущий жизнь вечную все тот же. Тамо жизнь неизменяемая, нестареемая.⁹⁸

20 декабря

7 декабря

Антоний Сийский... Сегодня с Двинской земли струится тихий, но настойчивый свет.⁹⁹ Антоний Сийский — одна из звезд Севера. Он как северное сияние в ночи. Но и сюда достигает свет его святости... Там, на далеком Севере, четыреста лет назад затеплилась эта свеча неугасимая. Сегодня там праздник. Разорена обитель,¹⁰⁰ но жив Господь, жива святыня. Ныне силы небесные тамо невидимо служат.¹⁰¹ Нет людей, но горят свечи праздничные, озаряя снега, и дремучие ели, и скованные во льдах реки и озеро. Антоний Сийский, благодатный луч северного сияния. Сегодня в день его блаженного успения стремится на Север душа моя, хочет слушать тихость безмолвную ночи. Вот я вижу Двинскую землю в зимнем сне. Великие реки, беспредельные леса и озеро, и остров, и как ковчег драгоценный — обитель Антониева. Род сей, в смраде срамно ликующий, не видит света святых. Но тем, кто взыскует онога света, сияет имя Антония Сийского, любо его житие и эти леса, и реки, освященные его пребыванием, его чудесами.

---

⁹⁸ Далее следует приписка в квадратных скобках: «На праздник Николы Чудотворца. Почитание его. И о еже: нет древнего и нового у Господа, нет времени».

⁹⁹ Память прп. Антония Сийского совершается 7 дек. по старому стилю (20 — по новому), в день кончины святого.

¹⁰⁰ Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь был закрыт в 1923 г. Сначала в нем размещалась детская колония, затем дом отдыха лесозаготовителей, детский дом, приют для детей-инвалидов, интернат для престарелых, пионерский лагерь, дача Архангельского облисполкома. В 1992 г. монастырь возвращен Русской православной церкви.

¹⁰¹ *Ныне силы небесные тамо невидимо служат* — начало херувимской песни на литургии преждеосвященных даров, которая служится в будние дни Великого поста.

Светильник иночества, зажженный Антонием Сийским, равно как и сияние иных благодатных огней Севера о дне света, дак именно что на суд тебе. Весь мрак твой только осветит, всю мглу и ночь.

Как надо работать, как учиться... с азов, с азбуки, чтобы как-то приблизиться к осиянному чину иноческому, к пречестному имени преподобного. А то смотреть так со стороны, безучастно, не учась, не трудясь, не борясь с собственным ничтожеством, не стоит. Кругом дети смерти не спят, не дремлют: растлевают, развращают, хулят правду. Что же ты-то хоть две лепты, хоть одну в дело Божие, в дело правды не отдашь?

Любить церковную культуру, любоваться ею, собирать книги и иконы — это все внешнее для тебя. Книги и собрание икон кому-то останется. А ты что с собою возьмешь?¹⁰²

* * *

†Вчера вот шел по переулку... Снег на высоких крышах старых домиков. Снег на ветках. Вспомнил о дне святителя Николы. Бредучи, за безлюдьем пел величание. И думалось: куда вот эти сердечные излияния о святом и песня уст идут?... Частью в эфир, частью туда, где его лики на святых иконах, где чтут святую его память. А больше, может быть, в свое сердце посылаю ему величание, стихи. Сердце человеческое, даже такое убогое, как мое, целый мир. Туда и посылаю слова благодатные. ...Куда идут слова молитвы??

А помнишь: «Ищи Бога, а не ищи, где пребывает». Отцы, стяжавшие подвигом великим молитву, знают, где молитва и куда молитва идет. Но великим подвигом светлое сие знание достигается. А твое дело — пой да молись, как заповедано по святым уставам. Бог велик, непостижим. Знай, что он во всем и все в нем, и молись. Николин день, дак читай святителю канон, пой ему, скорому помощнику, умились о нем, помни и люби, и чти дни святых угодников Божиих. Жития их, службы им одна другой дивнее и умильнее. И Господь даст тебе умиление и молитву, и знание светлое, радостное.¹⁰³

* * *

†Сам-то я упадь, тля, дак надо с утра-то хлебнуть живой водицы. Кое и родится в пустой-то башке.

---

¹⁰² Далее следует приписка в квадратных скобках: «На память преп. Антония Сийского, сияние с Севера. И о еже неготовой бытии душе к празднику. Одного любования мало».

¹⁰³ Далее — приписка в квадратных скобках: «Куда идет молитва. Ищи Бога, а не ищи, где пребывает. Молись по уставу и найдешь».

Творения святых великих отцов, великие книги (их с тебя надо не много). Филокалия,¹⁰⁴ Исаак Сириянин,¹⁰⁵ Лествица.¹⁰⁶

(Уж, я чай, чтиво всякое мусорно-газетное ты давно оставил.) А в великих книгах всякая строка — жизнь, всякое слово — маяк. Эти книги не будешь читать на ходу, за чаем. Но и не только современное сифилитическое, гнусавое, смрадное чтиво. И классиков новых и старых, где страсти любовные расписаны и размазаны, взыскующий града читать не будет: не интересно, ни к чему, не про нас писано.

Нет пользы, когда «Любовь к красоте» — Филокалия,¹⁰⁷ будет у тебя рядом с «1001 ночью» лежать... Тут уж последняя лесть горше первых. Тем любоваться и другое любить.

Жизнью надо проходить эти книги. Нет пользы после сытного обеда, развалясь в креслах с папиросой в зубах, прочесть полстраницы, нет пользы, когда, блестя корешком, поставлены «Словеса постнические» Исаака Сирина вместе с «Старыми годами»,¹⁰⁸ «Аполлоном»,¹⁰⁹ стихами, «Декамероном».

---

¹⁰⁴ *Филокалия* (греч.) — Добротолюбие, сборник аскетических святоотеческих текстов. Первое издание «Филокалии», составленное афонскими свв. Макарием Коринфским и Никодимом Святогорцем, вышло в свет в Греции в 1782 г. В Москве «Добротолюбие» в церковнославянском переводе прп. Паисия Величковского было издано в 1793 г. (перездавалось в 1822 и 1832 гг. стараниями святителя Филарета Московского). Перевод «Добротолюбия» на разговорный русский язык, осуществленный свт. Феофаном Затворником, был издан в 1877 г.

¹⁰⁵ *Исаак Сириянин* — Прп. Исаак Сирин (Сириянин, Сириянин) Ниневийский, великий христианский писатель-аскет, жил в Сирии в VII в. Содержание всех его сочинений, адресованных, в основном, монашествующим, — анализ разнообразных состояний праведности и греховности и способов христианского исправления и самоусовершенствования. «Иже во святых Отца нашего аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христороубивого града Ниневии, Слова Подвижнические» выходили в России в церковнославянском и русском переводах в 1854 и 1858 гг.

¹⁰⁶ *Лествица* — «Лествица, возводящая на небо» или «Лествица райская» — сочинение прп. Иоанна Лествичника (ок. 525—между 650 и 680), византийского аскета, игумена Синайской горы. «Лествица» — аскетико-учительный трактат о ступенях духовного совершенствования человека, руководство для каждого христианина, прежде всего — инока. Переведена на славянский язык в X—XI вв. в Болгарии, а в XIV в. — в Сербии. Оба перевода имели широкое хождение на Руси.

¹⁰⁷ «*Любовь к красоте*» — *Филокалия*... — Буквальный перевод греческого слова «филокалия» — «любовь к красоте».

¹⁰⁸ «*Старые годы*» — ежемесячный иллюстрированный журнал для любителей искусства и старины, издававшийся в 1907—1916 гг. в Петербурге.

¹⁰⁹ «*Аполлон*» — один из самых значительных русских литературно-художественных журналов начала XX в., орган символистов, затем — акмеистов. Издавался в 1909—1917 гг. в Петербурге.

А вот польза, когда одну-единственную для себя книгу носил «странник» в котомке, храня ее больше жизни и жизнью своей проходя эту божественную книгу.

Странник «алкал» дивных словес этой книги, читал, забывая мир, в лесу, сидя в сторожке, проходя Сибирь и Россию, пустынными дорогами, питаюсь сухарем, утоляя жажду водой из рек и болот. Имея в сердце только великое учение «добротолюбия».

Конечно, беспечность и профанация — вот и так, как я, молитву Иисусову¹¹⁰ твердить. Здание надо не с крыши строить, а с окладного бревна, с фундамента.

*Quod licet lovi, non licet bovi.*¹¹¹ Безмолвников дело есть — упражнение в молитве Иисусовой. По учению святых отцов, это уже завершение подвигов, крыша.

Конечно, и лестовичка,¹¹² и молитва Иисусова могут украшать быт. Но при таком «декоративном» отношении в трудную минуту и забудешь о ней.

Я довольно говорил, толковал, мечтал, воображал о «церковном». Но то все было или от эстетики, [или плотское, буйственное, страстное],¹¹³ красивые башенки, а здания-то и не было. Павильон был воздушный, на песке строен. Каких вещей я касался, расписывал настроения, утешения самые добрые, самые здоровые.

А вот поди ж ты! Граблюсь за «барокко»! Пресытился хлебом чистым беспримесным северной родной речи. Нравятся вот такие выражения, как «трафиться» и т. д., и т. п.

В этих же планах и моя любовь, скажем, к елисаветинскому «барокко».¹¹⁴

Р. С. Замечателен язык царя Грозного. До него величаяя архаика (есть изумительные образцы русской речи и до Грозного, конечно). Не знаешь, к чему применить. А у Ивана царя крепкая, емкая острая русская речь.¹¹⁵

---

¹¹⁰ Молитва Иисусова — «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешного». Непрестанное моление этой молитвой, установленной, по учению св. отцов, самим Спасителем (Ин. 14, 13 — 14; 16, 23 — 24), является основой «умного делания», исихазма. Учение об этой молитве наиболее полно изложено в творениях свт. Игнатия Брянчанинова.

¹¹¹ *Quod licet lovi, non licet bovi.* — Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку (лат.).

¹¹² *Лестовичка* — лестовка — старинные четки из ста трех соединенных между собой цилиндрических планок с завершением в виде четырех лопасти (чаще кожаных) треугольной формы. Были распространены в основном среди старообрядцев.

¹¹³ ...или плотское, буйственное, страстное — эти слова в рукописи зачеркнуты.

¹¹⁴ Далее следует приписка в квадратных скобках: «Откуда любовь к барокко?».

¹¹⁵ Далее следует приписка в квадратных скобках: «О языке. Барокко».

7 января 1940 года

25 декабря 1939 года
Рождество Христово¹¹⁶

...С тем умру. Тут только падать, да плакать, да величать.

Откуда это чувство приходит... Это выше моих понятий. Это чуждое нечто, и не знаю, откуда, и не помню, когда явилось. Говорю о любви моей к искусству¹¹⁷ и старцу Амвросию Оптинскому.

Даже вот теперь, когда я себя плохо чувствую целыми днями, когда голова не работает, иное еле брожу, час какой-то придет, и думаешь о чуждом старце. Канун сочельника видел его во сне даже.

Будто он, отец наш, оставляет «дом». В спину отченька видел. Уж не помню всего. ...Высокий будто, сутулый. В выцветшей, вишневого как бы цвета долгой одежде. Власы седые с ушей... Горькое и сладостное чувство что, вот, увидел. И во сне-то как бы сознание было что не явь, а видение вижу.

Бывает почитание святого народное, которого многие любят. У меня к отченьку моему как бы личное чувство. Я не жил с ним в одно время, но его рождение в вечную жизнь и мое рождение на сей свет соприкоснулись. Год возле год. Не огонь, не пламя оставил он, благостный, на земле, но тысячи огоньков, как бы свечечек. И одна свечечка в моей душе. Искорка, может быть, одна шает. «Слабый огонечек то совсем замрет; то дрожащим светом „стены“ души моей, обольет»...

Частыми стали равнодушие и хлад сердечный... Все цветы опали... И уж как рад, когда оживет искорка-та Божья, согреет сердце.

Что это за чувство, эта любовь, если можно так выразиться, к святому, которого не знал, которого не видал, о котором я мало и слышал, но больше читал, о котором и книги-то нет у меня, ниже брошюровки. Очевидно, только в церкви такие отношения возможны. Это, конечно, не институтское обожание. Но хотел бы за ноги отеческие держаться.

И такое отношение возможно только в церкви, отношение к отшедшему как к живому. Церковь смерти не признает, не знает. В церкви все живы. И отченько твой жив. И близко он. Есть в иных областях человеческих явлений и отношений чувства, почитание, скажем, общественных деятелей, исторических героев: «Суворовых», «Вашингтонов», «Наполеонов». Почитание таких героев, гражданских, военных, иное по природе, нежели пригорнование к избранному авве.

---

¹¹⁶ В рукописи помета «Рождество Христово 1839» на греческом языке.

¹¹⁷ См. примеч. 14.

Здесь у послушника отношения глубоко личные, интимные, таинственные и сокровенные. Здесь сын и отец, но в планах горних, чудных, высоких. Внимать ему, беседовать с ним, учиться делом, молиться с ним. За его риз воскресия держаться: в радость Господа ведет отец твой тебя!

Чудно и давно писано: от пелены изберешь себе авву (хоть бы по рассказам, хоть бы по книгам) и устремись к нему, от того часа и авва (на земле живой или уже отошедший ко Господу) тебя знать будет.

Не малое бы дело, ежели бы меня, нищего, таков авва, как отче Амвросий Оптинский, знать стал! Такие, как уж ежели кого «знают», дак о том не худо промышляют.

Пути Божии неисповедимы. Доброму, честному человеку вольно Богу и явно помощь послать. А таким, как я, окольно Бог подает, на догадку всяко. И эта любовь моя к херувимскому отцу моему Амвросию — не орудие ли счастья моего и моего спасения? Не есть ли это «объятия отча»?¹¹⁸

* * *

✠Как я радуюсь, как я веселюсь душою, когда любимого-то, обожаемого-то человека лице гляжу. Когда постоянно он глядит на меня со стены моей. Да, разные бывали люди. Ина слава солнцу, ина луне ина звездам.¹¹⁹ И это не обида. Не можешь быть большой, дак будь поне¹²⁰ малой звездой.

Малые звездочки — это мои родные отшедшие: мама, сестра Нина. Оне глядят с портретов скромных. А звезды великие или луны это, или солнышко в горнице моей — это ангелы земные, отцы мои о Господе. Не с грустью лики их вижу, нет: сердце мне они растут, душу надывают. Крылья даруют, и будят, и говорят: давай полетим! Это помощники мои.¹²¹

Думается, что в деле *религиозного* воспитания хорошо, чтоб молодежь во-первых чувствовала красоту, потом уж знала. Это, конечно, о

---

¹¹⁸ Далее — приписка в квадратных скобках: «На Рождество 1839 года. Об отце Амвросии Оптинском. Любовь к старцу. Природа этой любви. Этой любовью спасает Господь тебя».

¹¹⁹ *Ина слава солнцу, ина луне ина звездам.* — «Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе» (1 Кор. 15: 41).

¹²⁰ *Поне* — хотя бы, по крайней мере (церковнослав.).

¹²¹ Далее следует приписка в квадратных скобках: «Чувства, вызываемые портретами родных и портретами святых отец. Разница».

тех, у кого есть искорка Божия, у кого вложено это стремление или влечение к *вере*, к церкви, к Богу.

Добро и то, когда, еще не имея выношенной любви к «духовному», к «церковному», уже желают иметь эту любовь, хотят этой потребности.

Но когда желающие учиться *вере* Христовой есть, но потребности к красоте нет, когда эстетически люди неуязвимы, тогда величие, авторитет, универсальность, грандиозность и великолепие исторической церкви надо показать. Удивление сначала внушить.¹²²

* * *

†Рассказываю в последние годы, для школьников особенно, все одно и то же. И я уже абсолютно не чувствую, не переживаю ничего, когда о море ребятам говорю... «путем-дорогой, здравствуйте!».¹²³ И в сказках не смешно мне и даже чудно, что аудитория моя смеется. Говорю всегда с одними и теми же интонациями. Глубоко я равнодушен к своим сказкам. Равнодушно пою былины. Где оно, мое бывшее увлечение былинами, любовь к ним? Чувство очарования былинами отошло. Может быть, заменилось каким то чувством «публики».

---

¹²² Далее — приписка в квадратных скобках: «О воспитании *религиозном*».

¹²³ ...«*путем-дорогой, здравствуйте!*» — Цитата из рассказа Шергина «Мурманские зуйки».